

ХУДОЖНИК НА ПЕРЕЛОМАХ ВРЕМЕНИ (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАХАРБЕКА САФАРОВИЧА ТУГАНОВА)

И. Т. ЦОРИЕВА

Становление Туганова-художника пришлось на конец XIX – начало XX вв., время, когда в искусстве утверждается новое художественное течение – символизм. Под влиянием эстетики символизма в архитектуре, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве складывался стиль модерн, завоевавший в начале XX в. все больше приверженцев. Новые явления в мировом культурном процессе оказали значительное влияние на формирование художественного мировоззрения Махарбека Туганова.

В 1901 г. Махарбек стал студентом Петербургской Академии художеств. Он был вторым (после Коста Хетагурова) осетином, получившим возможность учиться в этом прославленном учебном заведении. Юноша с радостью окунулся в культурную атмосферу северной столицы. Он увлеченно занимается живописью, изучает теорию искусства. Среди его наставников – выдающиеся художники и педагоги Илья Репин, Павел Чистяков, Григорий Мясоедов. Здесь он подружился с Исааком Бродским, Моисеем Тоидзе – в будущем известными советскими художниками. Но постепенно в настроении М. Туганова наступает перелом. Художник и близкий друг Махарбека Акоп Коджоян в своих воспоминаниях писал: «Мы горячо обсуждали методы преподавания в ней (Академии. – И. Ц.), которыми Махарбек был очень недоволен и резко критиковал их» [1, 57].

Действительно, консервативные академические порядки, приверженность традиционным методам преподавания не оставляли места для новаторского поиска и усвоения новых идей.

М. Туганову становилось тесно в рамках реалистической школы. Позднее он объяснял перемену в себе так: «Художник-реалист прежде всего говорит о своей гражданственности. Он берет грубую правду жизни, передает ее почти без всякой окраски, со всеми типами и подробностями будней. О красоте он мало думает – живопись на втором плане... Но погоня за одной житейской правдой и пренебрежение к задачам живописным приводит и реалистов к безусловной фотографичности, к изображению скучных, неинтересных по краскам и формам сюжетов» [2, 27].

Эмоциональность и экспрессивность, присущие художнику в жизни и творчестве, своеобразное эстетическое восприятие мира неизбежно вели его к конфликту с реалистической традицией изображения действительности. Он остро чувствовал «стремление к исканию не только новых сюжетов, но

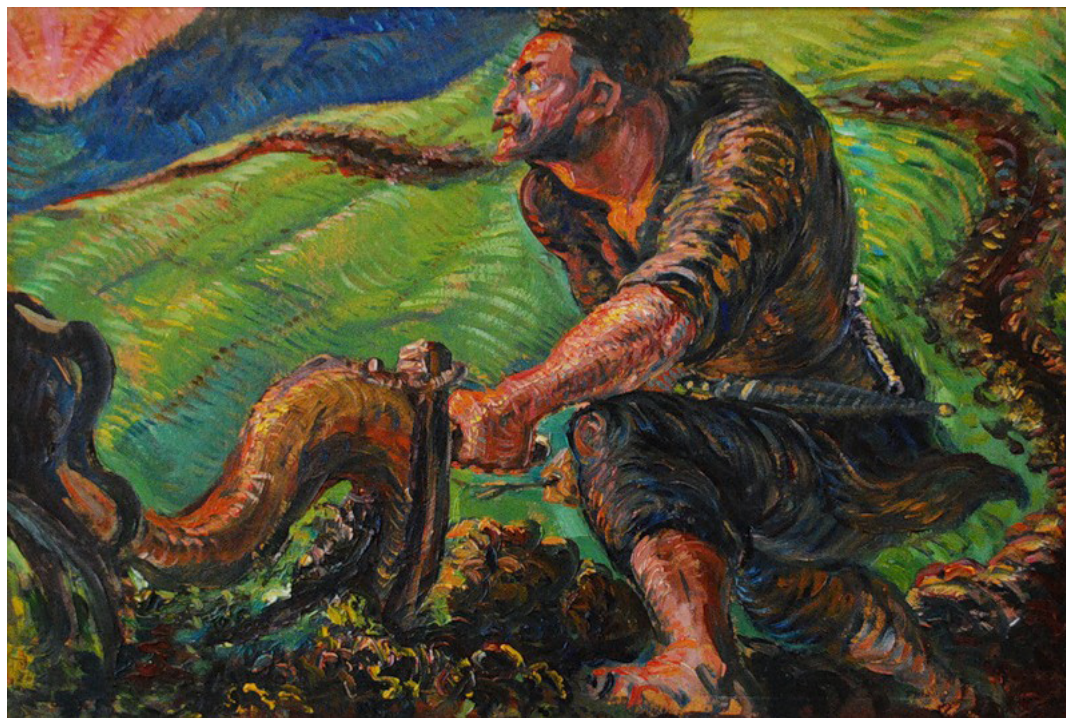
и новых принципов живописи, основанных на ощущениях чисто художественных» [2, 27].

Поэтому представляется вполне закономерным решение М. Туганова об уходе из Академии художеств до завершения полного курса обучения и отъезд в Мюнхен с целью поступления в знаменитую школу-студию Антона Ашбе, одного из самых выдающихся европейских педагогов живописи конца XIX – начала XX вв.

Достоверно неизвестно, в каком году М. Туганов уехал в Германию. В научной и художественно-публицистической литературе высказываются два мнения по этому поводу. Большинство исследователей жизни и творчества М. Туганова (среди них Мусса Хаким, Девлет Гиреев) считает, что Махарбек отправился в Мюнхен летом 1905 г. (дата не уточняется. – *И. Ц.*) [3, 7]. Художник и искусствовед Валерий Цагараев полагает, что отъезд М. Туганова состоялся двумя годами раньше [4,

378]. Следует признать, что в настоящее время ни одна из этих дат не документируется источниками. Однако отметим, что аргументация В. Цагараева (она подтверждается и воспоминаниями А. Коджояна, находившегося в Мюнхене в 1903-1905 гг.) представляется более убедительной. В частности, одним из аргументов в пользу утверждения В. Цагараева служит тот факт, что Антон Ашбе умер 6 августа 1905 г. Таким образом, если бы Махарбек уехал в Мюнхен лишь летом 1905 г., то при определенных обстоятельствах он просто мог не встретиться с выдающимся педагогом. А по воспоминаниям самого художника и его друзей, он занимался в студии довольно продолжительное время.

В школе-студии Антона Ашбе учились знаменитые в будущем русские художники И. Грабарь, М. Добужинский, А. Кордовский, В. Кандинский, К. Петров-Водкин. Ко времени отъезда М. Туганова многие из них уже вернулись в

«Чермен», 1928

Россию. Но круг мюнхенских знакомых М. Туганова был достаточно обширен. В него входили художники В. Явленский, М. Веревкина, А. фон Зальцман, В. Бехтеев. По настоянию Махарбека в Мюнхен приехал учиться и его владикавказский товарищ Акоп Коджоян [5, 211].

Годы пребывания в Мюнхене оказались весьма плодотворными для М. Туганова. Это время бурного роста духовных сил, становления таланта живописца. Он совершенствовал технику рисунка, изучал историю искусств народов Европы, знакомился с новыми тенденциями в изобразительном искусстве, музыке и литературе [3, 7]. Художника увлекало творчество импрессионистов. Еще большее влияние на формирование его художественного стиля оказали экспрессионисты. М. Туганов много работал. В отмеченный период им были написаны полотна «Тбау-Уацилла», «Канатоходец в ауле», «Танцы на свадьбе», создана серия первых пробных образов нартов. Впоследствии, в 1910 и 1913 гг., многие из этих произведений экспонировались на выставках во Владикавказе.

В 1907 г. по семейным обстоятельствам Махарбек возвращается в Осетию. Он был полон энергии, творческих планов и активно включился в общественную и культурную жизнь Владикавказа. Его динамизм восхищал современников. Вскоре он открывает художественную студию, организует выставки творческой молодежи, вместе с местными художниками-любителями Вopilовым, Григорьян и братьями Коджоян создает Общество художников.

Непреходящей любовью художника была традиционная культура народа. Каждое лето М. Туганов отправлялся в фольклорные экспедиции по Северно-

му Кавказу: собирал и записывал народные сказания, песни, предания. Его альбомы пестрели зарисовками разных уголков родного края, старинных боевых башен, предметов быта, оружия. Особенно привлекали художника люди, поражавшие его ярким обликом и характером [6, 101].

Махарбек Туганов принимал самое активное участие в работе издательского общества «Ир», которое объединило в этот период видных общественных деятелей Осети: Симона Такоева, Харитона Уруймагова, Георгия Цаголова и др. В 1909-1917 гг. раскрылся публицистический талант М. С. Туганова. Художник откликался на самые сложные и злободневные проблемы социально-экономического и культурного развития края. Он не раз задавался вопросом: кто виноват в беспросветном, бедственном положении восьмимиллионного населения богатого и прекрасного Северного Кавказа. Эта тема остро звучала в ряде статей публициста: «В Америку», «Заколдованный круг», «Волчье счастье», «Сыны Дагестана», «Наши охранители» и др. Автор полагал, что зло кроется в общественном устройстве, при котором не может быть решена главная проблема – безземелье горцев-бедняков, которые составляют большинство населения [3, 8].

В эти годы окончательно определилось единство творческого и жизненного кредо художника, которому он остался верен всю последующую жизнь. Обостренное неприятие несправедливого устройства мира, стремление изменить его пронизывало все творчество художника. В живописи главным героем его картин был сильный человек, нестигаемый под тяжестью жизненных обстоятельств. Пассионарность личности М. Туганова объясняла его непреходящий интерес

«Цоптай», 1947

и любовь к нартовскому эпосу. Представления о нартах как о могучем племени героев были особенно созвучны его представлениям о человеке, преодолевающим любые преграды на пути к своей цели. Изображая бесстрашных и мужественных нартов, он призывал современников уподобиться предкам. Как отмечает Нафи Джусойти, художник «вообще был влюблен в героическое начало в человеческом характере и, в особенности, в характере родного народа. Изображает ли он крестьян-повстанцев XIX века или участников революционных боев начала XX века, красных партизан или героев Великой Отечественной войны, портреты писателей (Коста Хетагурова и Елбасдуко Бритаева) или этнографическое примирение кровников, – в персонажах художника нас неизменно привлекает в первую очередь горделивое величие в осанке, особая тугановская стать, богатырское сложение и сила духа. Люди на полотнах Махарбека наделены такой физической и духовной энергией, что невольно убеждаешься – героическое в

человеческом характере есть черта ведающая, оно в нем неиссякаемо. И что бы ни случилось с человеком, перед каким бы тяжчайшим испытанием ни поставила его судьба, он все одолеет, как эпический богатырь, и станет еще более могучим и прекрасным» [7, 8-9]. Именно поэтому так убедительны созданные им образы народных героев Хасаны и Чермена. Непокоренность обстоятельствам, выражающая социальный радикализм человека и художника, ярко проявилась и в живописных полонах 30-х гг. XX в.: «Генерал Тормасов и пленные вожди-повстанцы в 1810 году», «Защита крепости Кехви революционерами в 1905 году», «Расстрел тринадцати коммунаров в Цхинвали в 1920 году».

Жизненные принципы М. Туганова не расходились с творческими пристрастиями. Будучи потомком знатного рода баделят, Махарбек приветствовал Октябрьскую революцию. Весной 1918 г. он раздал свою землю дур-дурским крестьянам, не оставив для семьи реальных, традиционных средств к существованию. Тем самым возникший

еще в начале XX в. конфликт с сословным окружением, к которому он принадлежал по происхождению, перерос в открытую форму и привел его к полному разрыву не только с фамилией, но и с ближайшими родственниками [1, 33].

Месть была жестокой. Вражда, зревшая в течение многих лет, приобрела характер вооруженного противостояния и едва не стоила жизни художнику. Туганов превратился в изгоя среди «своих» и покинул родное село. Но даже эти драматические обстоятельства не заставили его отказаться от исповедуемых им принципов справедливости, свободы выбора и поступка.

Владикавказ начала 1920-х гг. был богат яркими историческими и политическими событиями, памятными встречами. Волею судьбы в эти годы здесь собрались блистательные, талантливые представители российской и национальной интеллигенции: Елбасдуко Бритаев, Михаил Булгаков, Казбек Бутаев, Андрей Гулуев, Хаджимурат Мугуев, Александр Серафимович, Георгий Цаголов и другие. Со многими из них художника связывала большая дружба.

Весной 1920 г., после установления советской власти на Северном Кавказе, М. Туганов активно включился в общественную и культурную жизнь Владикавказа. Он заведовал художественно-агитационным и плакатным отделом Терско-Кавказского отделения Российского телеграфного агентства (Теркаврост), готовил молодых художников плаката и политической карикатуры, вместе со своим товарищем П. Блюме рисовал агитационные плакаты, листовки; оформлял митинги-концерты и спектакли. В течение лета и осени 1923 г. с замечательным скульптором Сосланбеком Тавасиевым оформил первую сельскохозяйственную выставку во Владикавказе [3, 12].

Однако работа уже не приносила творческого удовлетворения, и вскоре Махарбек уехал в Баку. Он и прежде бывал в этом городе по делам. Как правило, останавливался в доме зятя Тугановых Муртуза Мухтарова. На этот раз он задержался здесь дольше обычного. Некоторое время М. Туганов работал в Наркомземе Азербайджана. Затем отправился в Туркменистан по маршруту Красноводск-Ашхабад-Чарджуй, далее по Аму-Дарье к Аральскому морю до Ургенча и оттуда до Ташауза. Во время поездки он посещал такие отдаленные, пустынные районы, куда редкий путник осмеливался проникнуть из страха встретиться с басмачами или из-за отчужденности населения.

Что заставило М. Туганова отправиться в столь далекое и небезопасное путешествие? Без сомнения, тому были веские причины. И пытливый исследователь обнаружит немало интересного в поисках ответа на этот вопрос. Мы же выскажем лишь некоторые соображения по этому поводу.

Представляется, что, несмотря на большую занятость, художник остро ощущал творческую неудовлетворенность. Он испытывал потребность в новых сюжетах и формах художественного выражения. Находясь в постоянном поиске смысла своего творчества и своей жизни, он не боялся быть новатором в искусстве, шел навстречу неизведанному, искал новые способы творческого самовыражения.

Причиной отъезда могли стать и непростые отношения, складывавшиеся в сообществе художников. Разные представления о месте и предназначении художника в обществе, различия в творческих пристрастиях и предпочтениях, наконец, разность характеров могли вызывать непонимание и неприязнь. К тому же творческая среда не

свободна от чувства зависти к чужому таланту. Все это, несомненно, влияло на духовную атмосферу товарищества осетинских художников. М. Туганову в силу особенностей его темперамента и личностных качеств было крайне сложно приспособиться к подобным раздражающим обстоятельствам.

Без сомнения, Махарбек переживал также глубокую психологическую травму из-за разрыва с родственниками, не простившими ему того, что он не просто принял новую власть, а отчасти своей позицией содействовал тому, чтобы Тугановы лишились всего, что делало их «хозяевами жизни». Семья самого художника жила в крайне тяжелых материально-бытовых условиях. И эта непростая ситуация со своей стороны заставляла его предпринимать шаги, которые могли позволить хотя бы отчасти преодолеть материальную и бытовую неустроенность.

Был еще один немаловажный момент, возможно, побудивший его к отъезду. Это противоречивость социально-политической ситуации в обществе в первой половине 1920-х гг.: утверждение советских принципов государственного устройства, с одной стороны, и введение нэпа, допускавшего частичное восстановление рыночных отношений – с другой. Она вызвала у М. Туганова растущее непонимание происходящего вокруг. Махарбек принадлежал к той части общества, которая воспринимала нэп как возвращение к частной собственности, и, следовательно, к социальной несправедливости, к неравенству, к классовым распрям. При этом укреплявшаяся советская власть все жестче формулировала свои требования к творческой интеллигенции, главная задача которой сводилась к тому, чтобы утверждать в художественной форме идею о классовой справедливости и не-

зыблемости сложившегося общественного устройства.

Таким образом, у художника все признаки раздвоения сознания, видимо, были налицо. Между тем, любой творческой личности неизбежно приходится решать дилемму между духовной свободой и социальной зависимостью. Совершенно очевидно, что свобода художника от общества – это недостижимый идеал, к которому он стремится. Но М. Туганову эта мысль в силу своеобразия творческого склада и независимости характера тогда казалась невыносимой. Бунтарский дух, стремление к свободе, которыми он наделял героев своих полотен («Чермен», «Батраз борется с небожителями» и др.), были присущи самому мастеру. А утверждаемые в обществе политические и идеологические догмы ограничивали новаторские поиски в искусстве. Более того, пространство для творческого самовыражения постепенно сужалось...

Из путешествия Махарбек Туганов вернулся в 1926 г. с массой зарисовок и заметок о быте, обычаях, преданиях и нравах коренных жителей Туркмении и Азербайджана. Но художник недолго задержался во Владикавказе. В 1930 г. он переезжает в Цхинвали [8, 55].

И снова нет убедительных документальных свидетельств, объясняющих, что же побудило его к этому шагу. Имеют хождение лишь глухие недомолвки, предположения и слухи, связанные с опасениями преследования по политическим мотивам. Однако бесспорным остается тот факт, что для культуры Южной Осетии, особенно для развития профессионального изобразительного искусства, его переезд явился бесценным даром.

Деятельная натура М. Туганова нашла широкое применение своим неза-

урядным способностям. Он основал в городе художественную студию, преобразованную в 1937 г. в художественное училище. Стараниями Махарбека это училище продолжало работать даже в годы войны, когда почти половина подобных учебных заведений по всей стране была закрыта. Благодаря художнику была открыта национальная художественная галерея при Музее краеведения. М. Туганов являлся главным художником Юго-Осетинского государственного драматического театра. Театралы и искусствоведы тех лет хорошо помнят ярко и оригинально оформленные постановки пьес «Дуня» К. Хетагурова, «Амран» и «Две сестры» Е. Бритаева, «Нарт Батраз» М. Шавлохова.

Он по-прежнему много писал. Осмысление разнообразных проявлений народной жизни, освоение богатого фольклорного наследия помогали художнику в создании эпических образов в картинах «Цоппай», «Собачья скала», «Пир нартов» и др. В 1942 г. в Сталинире (Цхинвал) были опубликованы сказания о нартах на осетинском языке с иллюстрациями М. Туганова. Художник занимался педагогической и исследовательской работой. Итогом многолетнего исследовательского труда стала монография «Осетинское народное изобразительное искусство», опубликованная в 1948 г. и охватившая памятники осетинской культуры с древнейших времен до XX в.

Временем тяжелых испытаний для советской многонациональной культуры стали 1930-е гг. В результате необоснованных политических репрессий интеллектуальному и духовному потенциалу огромной страны был нанесен невосполнимый урон. Репрессиям и жестоким гонениям подверглись и многие видные представители осетинской научной и художественной интеллигенции.

Преследовались не только люди, но и все, что могло напоминать о них. Так, был уничтожен портрет известного общественного деятеля, публициста Георгия Михайловича Цаголова, написанный Махарбеком Тугановым в конце 1920-х гг. и висевший в кабинете литературы Северо-Осетинского государственного пединститута [9, 72]. О судьбе другой картины известно со слов жены писателя Гино Баракова, Елены, которая в середине 1930-х гг. возглавляла Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. Картина писалась под впечатлением проходившего в 1928 г. во Владикавказе 3-го съезда Советов Северо-Осетинской автономной области. В качестве одного из главных персонажей на ней была изображена Елена Баракова, выступавшая с трибуны съезда. В 1935 г. работа наряду с другими экспонировалась на художественной выставке в Тбилиси. Она была отмечена как художественной критикой, так и посетителями выставки, среди которых был и Васо Абаев. Но в конце 1930-х гг. героиня картины вместе с мужем были репрессированы. Исчезла и сама картина. Лишь через много лет сын М. Туганова, Энвер, нашел на чердаке большой лист фанеры, покрытый акварелью, а когда отмыл его, то оказалось, что это упомянутая работа, но сильно переделанная. Знакомых лиц на ней уже не было. «Прекрасную картину, – вспоминала впоследствии Е. Баракова, – он вынужден был переделать – а как жаль! – и назвал «“Съездом колхозников”» [10, 76]. То были не единичные случаи. Они были обусловлены жестокими законами времени, отмеченного невосполнимыми потерями для культурного наследия народа.

Современники высоко ценили вклад М. Туганова в развитие национальной культуры, но официальное

признание заслуг художника состоялось лишь на склоне лет. В 1940 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР. В 1946 г. он удостоился звания народного художника Северной Осетии. А 4 июля 1952 г. Махарбека Сафаровича Туганова не стало.

Художник до последних дней оставался подвижником и патриотом своей «малой родины». Он беспокоился о состоянии национальной культуры. Его волновали вопросы подготовки художественных кадров, пропаганды творческих достижений, духовно-нравственных идеалов народа. В статье «Наши задачи» он писал о проблемах в области изобразительного искусства, которые требовали, по его мнению, незамедлительного решения: «Надо создать условия и окружить вниманием детскую художественную школу. Надо в этом же году организовать художественное училище с тремя отделениями – живописным, скульптурным и декоративно-прикладным – так, чтобы уже с нового учебного года начать в нем занятия. Необходимо навести порядок в экспозиции художественного музея и музея литературы. Союз художников обязан в самом ближайшем будущем организовать выставки художников. Общественность требует ознакомить ее также с творчеством наших молодых талантливых художников. Наша печать – газеты “Растдзинад”, “Социалистическая Осетия», журнал “Мах дуг”, альманах “Советская Осетия” – должна регулярно помещать материалы об изобразительном искусстве. В научно-исследовательском институте должно быть организовано отделение для освещения вопросов истории и теории осетинского искусства» [11, 126].

Статья, датированная 1952 г., может быть расценена как духовное завещание художника. Многие из поставленных в ней задач были решены в последующем. Со второй половины 1950-х гг. на волне «оттепельных» процессов, происходивших в обществе, выставочная деятельность становится одним из важнейших элементов культурной жизни республики. Несколько позднее, а именно в 1973 г., во Владикавказе по инициативе тогдашнего министра культуры С.Г. Ужегова было открыто художественное училище. Республика получила возможность готовить специалистов средней квалификации в области живописи, декоративно-прикладного искусства. Многие из выпускников училища продолжали затем учебу в высших художественных институтах страны и стали членами Союза художников России. В 1981 г. в Северо-Осетинском НИИ был создан отдел искусствоведения под руководством известного осетинского композитора Давида Хаханова, а затем театроведа Агуза Бациева. На протяжении 1980-х – 1990-х гг. сотрудники отдела занимались исследованием процессов развития театрального, музыкального, изобразительного искусства в Северной Осетии, изучением связей профессионального искусства с народным творчеством (фольклором, музыкально-танцевальным искусством, национальными традициями, религиозными воззрениями) [12, 114].

К творческому наследию самого художника судьба оказалась жестокой. Часть работ, отправленная им накануне Первой мировой войны в Вену для создания репродукций, бесследно исчезла в водовороте социальных катаклизмов первых десятилетий XX века. Другая часть погибла во время разгрома его дома в Дур-Дуре в ян-

варе 1919 г. Тогда же, помимо картин, этюдов и зарисовок, пропали ценнейшие записи фольклора, интересные исторические документы, фамильный архив. В 1923 г. во время пожара сгорели плакаты и агитационные листовки, созданные М. Тугановым в начале 1920-х г. Во второй половине 1930-х гг. в период массовых репрессий некоторые произведения были уничтожены мастером или переделаны по политическим соображениям, повторив судьбу уже упомянутых выше картин. В 1945 г. случился пожар в цхинвальском Музее краеведения, безвозвратно унесший часть хранившихся там работ М. Туганова. Вновь пришлось спасать картины художника во время осетино-грузинского конфликта в 1991 г. Некоторые из них были вывезены в Северную Осетию и в настоящее время находятся в Художественном музее имени М. Туганова во Владикавказе.

Недавно стало известно еще об одном печальном факте. Из Государ-

ственного музея Республики Южная Осетия пропала картина М. Туганова «Расстрел тринадцати коммунаров в Цхинвали в 1920 году» [13]. Почему такое могло произойти? Виноваты ли в этом только музейные работники, проявившие халатность, или повинно все общество, демонстрирующее равнодушие к культурным ценностям народа?

Ясно одно. Случившееся должно стать, наконец, для всех нас набатным предостережением. Мы должны осознать свою прямую ответственность перед будущими поколениями за сохранность культурного наследия осетинского народа. Каждый из нас сегодня в ответе перед памятью Махарбека Туганова, чья жизнь является образцом гражданской требовательности к себе. Тем более что его судьба служит примером неразрывности творческого поиска и человеческого предназначения, стойкости подвижника, верного хранителя нравственно-этических традиций национальной культуры.

«Пир нартов», 1952

1. *Хахим Мусса*. Махарбек Туганов. Народный художник Осетии. Орджоникидзе: «Ир», 1962. 110 с.
2. *Туганов М. С.* Новейшие течения живописи // Махарбек Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе: «Ир», 1977. С.26-28.
3. *Гиреев Д.* Литературное наследие Махарбека Туганова // Махарбек Туганов.
4. *Цагараев В.* Искусство и время. Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин. Владикавказ. Владикавказ: «Ир», 2003. 463 с.
5. *Коджоян А.* Воспоминания о М.С. Туганове. Письма // Махарбек Туганов Литературное наследие. Орджоникидзе: «Ир», 1977. С. 211-213.
6. *Гиреев Д.* Литературное наследие Махарбека Туганова // Литературная Осетия. 1976. № 47.
7. *Джусойти Н. Г.* Творить из прошлого будущее // Махарбек Туганов. Статьи, воспоминания, письма. Цхинвали: «Ирыстон», 1986. С. 3-14.
8. *Цотниашвили А.* Махарбек Туганов и грузинская общественность // Махарбек Туганов. Статьи воспоминания, письма. Цхинвали: «Ирыстон», 1986. С. 53-59.
9. *Туганов Э. М.* О близких друзьях отца // Махарбек Туганов. Статьи, воспоминания, письма. Цхинвали: «Ирыстон», 1986. С. 68-72.
10. *Баракова Е.* Счастлива тем, что знала его // Махарбек Туганов. Статьи, воспоминания, письма. С. 73-76.
11. *Туганов М. С.* Наши задачи // Махарбек Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе: «Ир», 1977. С. 124-126.
12. *Бациев А. С.* Из глубины веков // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, 1995. С. 109-121.
13. Информационное агентство «Рес»: [сайт]. URL: <http://www.cominf.org>